

О стихотворении Хлебникова «Брату» и его адресате

Н.Н. Перцова

В статье приводятся две редакции стихотворения Хлебникова «Брату» (1907), которое не публиковалось ни в одном из собраний сочинений поэта, и рассматривается вопрос об адресате этого стихотворения. На основе ряда свидетельств, как опубликованных, так и публикуемых впервые в настоящей работе, делается вывод о том, что стихотворение обращено не к младшему брату Александру (как считалось ранее), а к рано умершему старшему брату Борису. Высказывается предположение, что две более поздние две вещи Хлебникова – пьеса и поэма – посвящены памяти старшего брата.

The paper gives two versions of Khlebnikov's poem 'To My Brother' (1907) which has not been published in any edition of the poet's selected writings, and arises the question of its addressee. On the basis of a number of documents, both published and unpublished, it is shown that the addressee is not the poet's younger brother Alexandr (as it was supposed earlier), but rather his elder brother Boris, who died in his youth. It is suggested that two more Klebnikov's pieces, a play and a longer poem, are dedicated to his elder brother's memory.

Предмет настоящей статьи – стихотворение Велимира Хлебникова «Брату». Хотя рукописи, отражающие последовательную работу над этим стихотворением, сохранились, ни в одном из сборников хлебниковских произведений, включая и выходящее сейчас шеститомное собрание сочинений поэта [1], опубликовано оно не было. Вероятно, составители считали его лишь неоконченным наброском, не заслуживающим внимания читателей. Возможное прочтение одной из двух редакций этого стихотворения приведено в статье [2, с. 187]. Как представляется, на самом деле оно важно не только само по себе, но и как ключ к пониманию некоторых сторон биографии и творчества Хлебникова.

Рукописи стихотворения сохранились в конволюте рабочих словотворческих тетрадей [3]; конволют датируется 1907–1908 гг., стихотворение «Брату», судя по его расположению в конволюте, относится, скорее всего, к 1907 г. Имеются две его редакции: первая – на л. 46 об., вторая – на л. 76; в первой редакции многослойная правка располагается не только на л. 46 об. (над и под соответствующими строками, наверху страницы и на полях по горизонтали и по вертикали), но и на другом листе – 47 об. Ниже, в приложении, воспроизведен вид этих рукописей, здесь же мы приводим реконструкцию обеих редакций стихотворения (следует иметь в виду, что при большом количестве записанных в разных местах вариантов отдельных строк установить в точности, который из множества вариантов окончателен, не представляется возможным).

Первая редакция (л. 46 об. с учетом правки на л. 47 об.):

Сомаревный венок обманностей бытийных
Я предложил тебе, мой друг.
Но гордый иной гордизной
(Тебя мне не понять)
Ты иссмеял мой мол в толпе царями быть
И двоецарствия венцом венчать союз двуузый венков и ликов.
И твердый инизной (о ней ли мне рыдать)
Один пошел в свой твердо-скорбный путь.
Ну что ж. Пусть так. Не мне тебя судить.
Но ежели в путине скорбно-торной ты изнемог, и зов молчит, и куш пустыня нема,
брат, позови.
Я вновь прииду,
Забыв себя,
И вящему тебе сподручный плечо покорное отдам.

Вторая редакция (л. 76):

Брату

Сомаревный венок обманностей бытийных
Я протянул тебе, мой друг.
Но гордый гордизной
(не мне ее понять)
Ты иссмеял мой мол в толпе
царями быть и двоецарствия венком
венчать союз двурлый лица и века.
И гордый гордизной
(не мне ее понять)
Один пошел в тяжело-гордый путь.
Ну, что ж. Пусть так. Не мне тебя судить.
Но если изнемог, зовок молчит и гор
пустыня нема,
Скот! Отзовись (ты иностранец),
Я вновь приду, забыв себя,
И вящему, оруженосец, плечо подручное подам,
и общий взор прострем к возможным берегам.

Еще на двух листах конволюта встречаются неологизмы, использованные в стихотворении. На л. 52 записаны несколько новообразований с суффиксом *-ок*: *торок / горок / зовок*. Именно последним неологизмом поэт заменяет написанное сначала на л. 76 *и зов*. Обе редакции начинаются строкой *Сомаревный венок обманностей бытийных*, причем в отличие практически от всех остальных строк, которые многократно переделываются, эта строка остается неизменной.

Мотивирующее неологизм *сомаревный* слово *марево* на страницах конволюта встречается часто; оно обозначает некое размытое множество – людей, свойств, эмоций, мыслей и т. д., например:

марево людизн.
<взорево> змеизн (л. 54);

Трусеве призраков колышит, зыбит в далеве-мареве (л. 62).

Особенно интересны для нас контексты, в которых *марево* можно отнести к русскому языку, например (л. 22 об.):

И в русской ратве мне знаемо много имян,
Ударных пожарных семян,
Тех, что заревом-маревом вспыхнут, зажгут
И вечности имя и честь отдают.

В последней строке вместо *имя и честь* первоначально были варианты: *как и язы<к>*, затем *крик и восторг*. Вспыхивающие «заревом-маревом» семена-имена можно понимать как новообразования, которые поэт на страницах конволюта изобретает тысячами, как бы извлекая из темных глубин русского языка, по его собственным словам, «глухонемых пластов языка». Среди зачеркнутых вариантов стихотворных строк на л. 36 об. встречается выражение *стало <...> [звалево] маревом*, передающее, по всей видимости, ту же мысль. В стихотворении «Я дева векиня» (л. 37 об., в публикациях – «И дева векиня» [1, т. I, с. 34]) встречается также связанная с языком строка *И гласом без марева кликнула день*; можно только гадать, что такое *глас без марева*, но речь, по-видимому, идет о четкости, определенности словесного выражения. На л. 23 впервые встречаются неологизмы *сомарево* и *сомаревный*:

сомарево

Для последнего словосочетания, уже очень напоминающего начало стихотворения «Брату», поэт дает два варианта окончания фразы – *Сомаревный венок обманов, / обвивший русскую речь, истлел, погиб* и *Сомаревный венок обманов / я сплел из ранних лепестков*. В обоих случаях имеются в виду потенциальные возможности русского словообразования, которые Хлебников раскрывает в своем словотворчестве.

Приведенные выше контексты слов *марев* и *сомаревный* позволяют предположить, что первая строка стихотворения «Брату», *Сомаревный венок обманностей бытийных*, говорит о познании глубинных основ человеческого бытия вообще – и русского языка в частности.

Кого же Хлебников приглашает к сотворчеству, к кому обращено стихотворение «Брату»? В уже упоминавшейся статье [2, с. 187] Х. Баран однозначно соотносит адресата стихотворения с младшим братом поэта Александром (родился в 1887 г., пропал без вести на фронтах Гражданской войны в 1921 г.):

Кроме национальных, славянских мотивов заслуживают внимания и сюжеты, связанные непосредственно с личными переживаниями поэта. Особенно ярким примером такого рода текста является стихотворение «Брату», которое проясняет сложные отношения Александра и Виктора Хлебниковых и в котором предлагается альтернатива их дальнейших судеб – действовать вместе («царями быть»), а не по отдельности (как утверждает поэт, его брат один пошел в «тяжело-гордый путь»).

Сохранившиеся документы дают, однако, весомые основания для того, чтобы усомниться в подобных выводах. Брат, которому посвящено стихотворение – непререкаемый авторитет, рядом с которым поэт оставляет себе роль покорного «оруженосца». Напротив, в отношениях с Александром он сам ведет себя как старший, о чем свидетельствуют, к примеру, письма Александра родителям с Урала в мае–июне 1905 г. [4, сс. 140, 142]:

Дорóгой Витя страшно экономничал и даже хотел отучиться и меня отучить от скверной привычки есть ежедневно, но, к сожалению, безуспешно.

Витя ко мне относился хорошо, но все старался поставить меня в зависимое положение и иногда извергал такое количество советов, замечаний и упреков, что мне становилось тошно. До сих пор мы жили с ним дружно, дружно, и вдруг такой случай: я взялся набивать 21 шт. [чучел птиц – *Н.П.*], но иногда набивал меньше; Витя хотел, чтобы я ненабитых птиц набивал на следующий день кроме порции, я отказался. Тогда Витя перестал совсем мне давать птиц для набивки. Вот уже прошла неделя, как мы, по его словам, «живем на одни деньги и пьем вместе чай». Не знаю, уладятся ли дела с Витей <...>

Виктор распределяет деньги, дает Александру задания по набивке чучел, «извергает» советы, замечания и упреки... Он явно не готов подавать «плечо подручное» младшему брату, напротив, требует от него подчинения. Однако у поэта был еще один брат, Борис, на год старше него (1884–1908). Он-то и представляется наиболее вероятным адресатом стихотворения.

Обзор свидетельств о Борисе Хлебникове дан в письме ко мне директора Музея Велимира Хлебникова в Астрахани А.А. Мамаева. Привожу выдержку из этого письма.

Ваша просьба о Борисе Хлебникове поставила меня в тупик. О нем почти ничего неизвестно.

Видимо, он был самый «неуправляемый» из всех пятерых детей Хлебниковых. Его, восьмилетнего, приходилось даже связывать: «Молодец наш как-то так разбуянился, что я связала ему руки» (Письмо Варвары Вербицкой – «Хлебниковская веранда» № 36, 2003, с. 1; в этой публикации по ошибке вместо «разбуянился» напечатано «разбушевался»). Здесь же: «Пробовал Боря ходить к Соне в школу на урок пения, да не вышло ничего <...>». Далее следы Бориса Хлебникова вообще теряются.

Софья Вербицкая в письме к своей сестре Екатерине Хлебниковой (матери Велимира) интересуется: «Была ли ты у директора больницы и что из этого вышло? Я слышала, в Петербурге в лечебнице для нервно-больных сбавляют плату <...>». Имея лишь фрагмент этого письма в фамильной переписке Хлебниковых, я могу его датировать лишь приблизительно: 1905–06 годами, исходя из

дальнейшей фразы: «Знает ли Верочка, что из Казанской рисовальной школы лучших учеников и учениц, окончивших в ней полный курс, принимают без экзаменов в Академию художеств?» (время пребывания Веры в художественной школе: 6 сентября 1905 – 3 сентября 1906). Но наверняка Борис попал в больницу раньше 1905 года. Из письма Велимира к родителям из тюрьмы: <Казань, 3 XII 03> «Целую всех, Катю, Шуру, Веру – скоро увидимся» [5, т. V, с. 281]. Почему не упомянут Борис? Видимо, потому что его нет с родными, он изолирован. Из письма к родителям: <Москва, 1904 ?> – к сожалению, год под вопросом: «Целую всех: папу, маму, Катю, Шуру, Веру» [5, т. V, с. 282]. Борис снова не упомянут. Не упомянут он и в семейной переписке Хлебниковых. Точнее, упомянут всего несколько раз еще совсем маленьким. О взрослом же Борисе – ни слова, исключая письмо Варвары Вербицкой по поводу его смерти.

Маленький Борис, поведение которого доставляло столько огорчений взрослым, умел, тем не менее, ладить с другими детьми. Так, в процитированном выше письме Варвары Николаевны Вербицкой упоминается, что дети считали Виктора будущим художником, а Бориса – будущим музыкантом. Общность интересов всех троих братьев описывает их младшая сестра Вера [6, с. 31]:

Витя был красивым, кротким, рассудительным, но с полетами большого упрямства ребенком. Отец его «естественник» желал видеть на том же пути своих сыновей и с тех пор, как я начинаю помнить: они всегда возились с гнездами, яйцами, зверьками, бабочками...

После Калмыцкой степи семья жила по службе отца в Волынской губернии, в Подлужном (бывшее имение князей Чарторыжских). Там было приволье: река Горынь, чудный парк, запущенные цветники, всевозможные развалины... Это заставляло работать детское воображение и Витя упорно утверждал изумленным братьям, что у него свое королевство и каждый день за ним прилетает белый лебедь.

Как видно из этих воспоминаний, в Подлужном, где семья жила с 1891 по 1895 гг., Виктор на равных общался с обоими братьями, то есть Борис еще не выпал из общего семейного уклада.

Это подтверждают и письма отца, Владимира Алексеевича, к матери, Екатерине Николаевне [7]. В одном из них, посланном в Петербург (л. 5, 15 марта 1892), описывается хорошее поведение детей, оставшихся под присмотром отца:

Доехали вполне благополучно. Дети здоровы и веселы. Ведут себя хорошо, но наблюдать за ними мне очень трудно, так как дел по службе вдоволь. Повторяю, приезжай скорее.

Во время написания другого письма дети с матерью живут в Петербурге (лл. 9 – 9 об., первая половина 1890-х годов; в этом письме упоминается все та же сестра Екатерины Николаевны Варвара):

Варя пишет много милого про Верочку и, доставив мне утешение, сообщает, что Витина голова проходит, Боря в пансионе <...> Радуюсь и поздравляю тебя, Катя, с благополучной операцией. Варя, спасибо ей, написала мне о тебе.

В 1898 г. в Казани все дети живут вместе, о чем свидетельствует письмо Борису Хлебникову их бывшего домашнего учителя А.С. Глинки от 24 июня 1898 г. [8]:

Здравствуй, голубчик, Боря!

Вот уже вторая неделя, как мы здесь, в Дурасовке. Я уже собирался писать Вам, и только не было вашего адреса. Как раз вовремя получил ваше письм<o>... <...>

Прямо из моего окна открывается далекий, почти безграничный горизонт степи; кое-где видны одинокие кудрявые деревья. Ближе них, почти под самыми окнами моей избы протекает река Дёма, украшенная по берегам кустарником. Это та самая Дёма, на берегах которой расположена деревня Аксаково. В этой реке он ловил рыбу, на ней была мельница его отца. Помните, мы читали об этом [дети с учителем читали, по всей видимости, «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова – *Н.П.*]. <...>

Ну, за Вас я очень рад, что Вам нашли учителя. И конечно, занимаясь все лето умеренно, выдержите экзамен. Относительно Кати Николай Павлович напишет. Мы говорили об ней с его братом, учителем Мариинской Казанской Гимнази. Ну, прощайте пока. Всего хорошего. Передайте мой привет всем: Шурочке, Верочке, Вите, Кате. Какова работа у Владимира Алексеевича, так ли, как и прежде,

проводит он целые дни в канцелярии? Николай Павлович и Михаил Николаевич всем Вам кланяются. Пишите, что видели в Казани, что поддельваете. Спасибо за письмо.

Ваш Глинка

Из письма явствует, что летом 1898 г. Борис здоров и собирается поступать в казанскую гимназию. А.С. Глинка относится к нему с сердечной теплотой и уважением. Они обсуждают устройство в гимназию сестры Бориса Екатерины, то есть учитель считает именно его ответственным за других детей. Некоторую тень беспокойства за воспитанника можно усмотреть только в словах «занимаясь все лето умеренно» – не исключено, что это деликатное предостережение от чрезмерно усердных занятий.

С пиететом относится к Борису его младший брат Виктор, который запомнит его похвалу на всю жизнь, ср. следующую выдержку из прозы «Нужно ли начинать рассказ с детства?» ([1, т. V, с. 203], 1917 г.):

Я помню себя очень маленьким, во время детского спора: могу ли перелезть через балясину? Я перелезаю и вызываю похвалу старшего брата. Прикосновение телом к балясине до сих пор не исчезло из памяти.

Уважение и доверие сквозит и в черновике письма Хлебникова от 9 ноября 1902 г. старшему брату в больницу [9], куда Борис, судя по этому письму, попал не позже мая 1902 г. Письмо испещрено зачеркиваниями, обрывками незаконченных фраз; видно, что писалось оно в минуту волнения, которым Виктор делится с близким человеком, способным его понять. Начинается оно с обращения «Брат Борис» (заметим, что к младшему брату Александру Хлебников не обращался в письмах столь торжественно, а писал обычно стандартное «Дорогой Шура»). В первом абзаце, полностью зачеркнутом, он, по-видимому, собирался объяснить, почему давно не навещал брата: «[Я с тобой не вижусь, хотя боль<ница> твоя] [В больнице] [Я живу с 17 июля но с тобой не виделся] <...>». Далее Виктор переходит к своим делам. Он сообщает, что в мае получил двойку по русскому языку. Поэтому отец остался с ним на лето в городе и готовил его к переэкзаменовке, с которой сын успешно справился 7 августа. Описываются мелочи казанского лета: розы и яблоки в садике, которые ему не разрешали рвать. Рассказывается о ссоре, возникшей из-за предложенной ему отцом темы – «Различия между животными, растениями и минералами». «[Я <читал> книгу и учебник.] Через 2–3 недели [я показал только признаки видов.]» «По мнению папы, я д<олжен> был показать свои знания и наблюдения», полученные за годы сельской жизни: «За 7 лет, которые я [был] провел в деревне, [хотя в разных гу<берниях>] хотя в 2 разных губерниях, где я мог изучать жизнь птиц, р<ы>б и растений. Затем [В лета, проведенные] летнее время я проводил [2] 3 года в Сухорецкой даче». Однако вместо серьезных натуралистических изысканий он «скучал, ходя по лесу и берегу озера». Владимир Алексеевич «не раз начинал проверять знания» сына и «был оскорблен» тем, что он «плохо занимается».

Знаменательно и то, как представляет себе Виктор положение старшего брата в больнице:

Ты, наверное, окрепнув после летних занятий и привыкнув пользоваться временем, теперь не отрываешься от наблюден<ий> и опыт<ов> над больными.

Хлебников вообще проявлял интерес и сочувствие к людям с хрупким душевным здоровьем. Так, подруга Хлебникова Надежда Васильевна Николаева в разговорах, записанных во второй половине 1930-х годов Н.И. Харджиевым [10], вспоминала об общении поэта с ее экстравагантной матерью (лето 1914 г.):

Ее мать (она еще жива, но впала в детство) была полубезумная. Писала стихи, верила в приметы, рассказывала свои сны, видела двойников. Гость ушел, а она сидит с его двойником у чайного стола и беседует. Хлебников относился к ней с любопытством и любил слушать ее рассказы.

В хлебниковском разделении людей на своих и чужих важны были другие ориентиры, например, изобретатели в противоположность приобретателям, «творяне» в противоположность толпе. (Отметим, кстати, что в то время была весьма популярна теория корреляции между

талантом и безумием, см. например [11].) Говоря о своей семье, Хлебников подчеркивает не различия, а черты общности между всеми детьми. Несколько примеров. В черновике «Зангези», озаглавленном «Пропавшая рукопись» [12, л. 42 об.], голоса из толпы, кроме обращения к герою-повествователю с советом «Длинно, ты сократи», судачат о его семье:

он после<дний> потомок стар<инного> рода
Я знаю эту семью они все из сума<сшедших>

Сходная характеристика детей содержится и в описании судьбы матери в поэме Хлебникова «Ночь перед Советами» [1, т. III, с. 342]:

После ушла корнями в семью:
Возилась с детьми, детей обучала.
И переселилась на юг.
Дети росли странные, дикие,
Безвольные, как дитя,
Вольные на все,
Ничего не хотя.
Художники, писатели,
Изобретатели.

В 1919 г. Хлебников рассказывает харьковскому врачу-психиатру В.Я. Анфимову о душевной неустойчивости многих своих родственников, включая и старшего брата (которому в своих воспоминаниях врач по ошибке приписывает изучение артиллерии: артиллеристом, как известно, был младший брат поэта Александр): «Родители поэта имели пять человек детей. Один из сыновей изучал артиллерию, готовился к научной деятельности и рано погиб от душевного недуга» [13].

Если в письме 1902 г. Хлебников представляет себе состояние брата как временное ослабление после занятий, за которым должны последовать «наблюдения и опыты», то позже, в стихотворении «Брату», уже достаточно определенно говорит о серьезности его положения. Путь Бориса характеризуется в разных вариантах как «тяжело-гордый», «твердо-скорбный», «скорбно-торный», «скорбно-одинокий», «скорбно-тяжкий» (заметим, что в те времена *история болезни* называлась *скорбным листом*, а выражения *скорбный умом* и *скорбный главою* используются и сейчас), он назван «иностранцем», то есть, по Хлебникову, лишенным речи (ср. характерную для Хлебникова игру со словами *немец* ‘немой’ в противоположность *славянину* ‘обладающему словом’), и даже «скотом». И все же адресат стихотворения предстает как близкий поэту человек, по-прежнему способный сопереживать его исканиям – «царями быть и двоецарствия венком венчать союз двуузый». Поэт просит брата о возвращении в их общий мир, к их общим интересам – и, судя по контексту, просит не в первый раз (*Ты иссмеял мой мол* <...>; слово *мол* здесь – дериват либо от *молвить*, либо – более сильно – от *молить*, либо контаминация значений обоих глаголов).

Однако жить Борису оставалось совсем не долго. В книге Ю.С. Чуйкова, на которую обратил мое внимание А.А. Мамаев, приводятся сведения о кончине Бориса Хлебникова, до последнего дня сохранившего «красоту и ясность глаз» [14, с. 86].

Владимир Алексеевич продолжает служить на прежнем месте [в Казани – *Н.П.*] до июня 1908 года. Весной все, кроме дочери Кати, уезжают на юг. Катя тоже была должна в начале июня поехать в Харьков, уже были отложены деньги на ее отъезд. Но... Их пришлось истратить на похороны Бориса.

Он умер, очевидно, в начале июня (точную дату мне установить не удалось) в психиатрической лечебнице. Отец виделся с ним: сын перед смертью изменился к лучшему, хотя болезнь сильно истощила его. Он узнавал отца. Когда надзирательница спрашивала его: «Где папа?», он переводил глаза с нее на Владимира Алексеевича, но губы его были сжаты и он ничего не говорил. Красота же и ясность глаз сына поразили Владимира Алексеевича, они напомнили ему глаза жены и – особенно – ее сестры Вари в молодые годы.

Похороны состоялись 3 июня. Отпевали в церкви лечебницы. Там почти никого не было. Пел небольшой хор, состоявший в основном из учащейся молодежи. Пел – стройно, приятно, просто. В это

время цвели любимые цветы Бориса – ландыши. Отец и сестра обложили его тело ландышами и сиренью, украсили ими крест и могилу...

Отец мучительно размышлял о том, что происходит с его детьми. Перед похоронами он дал разрешение на вскрытие тела умершего сына и подробно расспрашивал врача об этом. Тот рассказывал ему, что в строении черепа и мозга нет ничего ненормального, признаков недоразвитости и болезненных очагов в области головы тоже не обнаружено. Только сердце мало относительно размеров тела, а мозг – и объемом, и весом – больше среднего...

Врач изложил ему свою теорию: русская интеллигентная молодежь не обращает должного внимания на гармоническое физическое развитие, тогда как мозгу задает исключительно усиленную работу. И это приводит к распространению неврастения и других нервных заболеваний. Болезнь и смерть Бориса Хлебникова он считал частным – острым – случаем этого общего явления.

Написанное еще при жизни Бориса стихотворение «Брату» – не единственный след старшего брата в творчестве Хлебникова. В пьесе «Госпожа Ленин» отражено расчлененное сознание больной (голос слуха, голос зрения и т. п.), сходное с состоянием Бориса (об этой вещи см. [15]). Первый вариант пьесы записан вскоре после кончины брата в тетради, которую можно датировать концом 1908 – началом 1909 г. (собрание Вяч. Вс. Иванова, в той же тетради – вариант «Скифского», наброски к «Крымскому», материалы к ненаписанному роману – соответствующие страницы помечены надписью «Преломляющий Я», а также множество неологизмов – отдельно и в стихотворных и прозаических контекстах). В дальнейшем пьеса была переработана и опубликована в 1913 г. в сборнике «Дохлая луна». В следующем году в сборнике «Молоко кобылиц» появилась поэма «Сельская дружба» [1, т. III, сс. 73–79]. Можно предположить, что это еще одно воспоминание об умершем брате.

Сюжет поэмы прост. В село являются два брата, Борис и Иван, в характерах которых прослеживается сходство с решительным Борисом и мечтательным Виктором-Велимиром Хлебниковыми (описание кроткого Ивана в поэме почти текстуально совпадает с детскими воспоминаниями о Викторе его сестры Веры – см. цитату выше):

Так голубь порою крылами двумя
В время вечернее мчится и серое.
И каждый взглянул на них, сразу им веруя.
Но голубь летит все ж единый.
Пришли они к нам урожая годиною.
Сюда их тропа привела,
Два шумных и легких крыла.
С того напрасно снят, казалось, шлем:
Покрыт хвостом на медной скрепе,
Он был бы лучше и свирепей.
Он русский стог на плечах нес
Для слабых просьб и тихих слез.
Другой же, кроток, чист и нем,
Мечтатель был и ясли грез.
Как лих и дик был тот в забрале,
И весел голос меж мечей!
Иные сны другого ум избрали,
Ему был спутником ручей,
И он умел в тиши часами
Дружить с ночными небесами,
Как строк земли иным созвучие,
Как одеянье сердцу лучшее.

Как и в стихотворении «Брату», подчеркивается внутренняя общность, двуединство братьев:

И как два серые крыла:
Где был один, там был другой.
Друг с другом жизни их сплелись,

С иными как-то не сошлись.
Умолкли злые языки,
Хотя ворчали старики:
«Тот слишком лих, тот слишком тих».
Они прослыли голубки
(К природе образы близки) <...>

Далее описывается не объясненный никакими внешними причинами взрыв эмоций Бориса (напоминающий рассказ тетушки о «разбуянившемся молодце» – см. выше), за которым следует апатия и опустошенность:

Но что же?
Недолго длилось все и то же,
Однажды рев в деревне раздался,
Он вырос, рос и на небо взвился.
Забилась сторожа доска!
В том крике – смертная тоска.
Набат? Иль бешеные волки?
«Ружье подай мне! Там, на полке».
Притвор и ствол поспешно выгнув,
В окошко сада быстро прыгнув,
Бегут на помощь не трусы.
Бог мой! От осаждающей толпы
Оглоблей кто-то отбивался.
В руках полена и цепи,
Но осажденный не сдавался.
За ним толпой односельчане,
Забыв свирели и заботы,
Труды, обычай и работы,
На мясе, квасе и кочане
Обеды скудные прервав,
Идут в защиту своих прав.
Излишни выстрел и заряд.
Слова умы не озарят.
На темный бой с красавцем пришлым
Бегут, размахивающим дышлом.
Тогда, кто был лишь грез священник,
Сбежал с крыльца семи ступенек.
Молва далеко рассказала
Об этом крике: «Не боюсь!»
Какая сила их связала,
Какое сердце и союз!
В его руке высокий шест
Полетом страшным засвистал
И круг по небу начертал.
Он им по воздуху провел,
Он, хищник в стае голубей.
Умолкли возгласы «убей».
И отступили люди мест,
И побежали люди сел.
«В тихом омуте-то черт!» –
Молвил тот, кто был простерт.

Наверно, месяц пролежал
Борис, кругом покрытый льдом, –
Недуг кончиной угрожал.
Он постарел и поседел.
Иван, гордясь своим трудом,

Сестрою около сидел <...>
И он окрепнул наконец,
Но вышел слабый, как чернец.

Заканчивается поэма смертью Бориса, который не смог переплыть 12 раз реку Остер («Я переплыл...») – один из постоянных мотивов Хлебникова, Борис в поэме – не переплыл), смертью, разрушившей двуединое существование братьев:

Но голубь их скитаний хром,
Отныне сломанным крылом
Дрожит и бьется, узник пыли.
Так тяжело падает на землю
Свинцом пронзенный дикий гусь.

Представляется, что «Сельская дружба» – реквием, посвященный любимому старшему брату. Именно так можно понимать и характеристику этой поэмы в автобиографических заметках 1914 г. – «прорубил окно в звезды» [16, с. 641]:

Переплыл залив Судака (3 версты) и Волгу у Енотаевска. Ездил на необузданных конях чужих конюшен.

Выступил с требованием очистить русский язык от сора иностранных слов, сделавши все, что можно ждать от 10 стр<ок>.

Напечатал: «О рассмейтесь, смехачи»; <...> «Сельскую дружбу», через законы быта люда прорубил окно в звезды.

Вероятно, неслучайно, что в перечне основных достижений поэта соседствуют словотворческие опыты и поэма, навеянная судьбой Бориса. Это сближение может быть связано, как в стихотворении «Брату», с несбывшимся желанием поэта разделить «сомаревный венок» исканий, в частности языковых, с братом Борисом.

Выражаю свою искреннюю признательность А.А. Мамаеву за ценные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хлебников В.* Собрание сочинений в шести томах / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН. Тт. I–VI.1. 2000–2006.
2. *Баран Х.* В творческой лаборатории Хлебникова: о “тетради 1908 г.” // Х. Баран. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 179–190.
3. РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 60.
4. *Хлебников А.В.* Письма к родным / Предисловие М. Митурича-Хлебникова, публикация и комментарии И. Ермаковой и Р. Дуганова // Волга, 1987, № 9. С. 138–158.
5. *Хлебников В.* Собрание произведений / Под ред. Н. Степанова. Тт. I–V. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1928–1933.
6. *Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М.: РА, 1997.
7. РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 216.
8. РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 346.
9. РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 144.
10. Фонд «Харджиев–Чага» (Амстердам), Вох 17.
11. *Ломброзо Ц.* Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными / Перевод с 4-го итальянского издания К. Тетюшиновой. Спб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.
12. РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 64.
13. *Анфимов В.Я.* К вопросу о психопатологии творчества. В. Хлебников в 1919 году // Труды 3-ей Краснодарской клинической городской больницы. Вып. 1. Краснодар, 1935.
14. *Чуйков Ю.С.* Почему тускнеют жемчужины. Астрахань: ИТА Интерпресс, 1996.

15. Старкина С.В. «Госпожа Ленин» в свете экспериментальной психологии В. Вундта // Russian Literature. 1995. Vol. XXXVIII, № 4.

16. Хлебников В. Творения / Общ. ред. М.Я. Полякова, составление, подготовка текста и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

Приложение Транскрипция стихотворения «Брату»

Для удобства чтения строки пронумерованы: число до точки обозначает номер строки, число после точки – номер варианта в пределах данной строки (строка целиком или ее отдельные фрагменты). Строки, не имеющие вариантов, помечены простым номером без точки. Нумерация вариантов производится в порядке их написания (насколько его возможно определить), например 5.1 – первый вариант строки 5, 5.2 – следующий вариант той же строки. В случае, когда вариант строки далеко отнесен от основного текста, прописными буквами указывается его место на листе: НА ПОЛЯХ СПРАВА, ВВЕРХУ ЛИСТА, НА ПОЛЯХ СЛЕВА ПО ВЕРТИКАЛИ. Несколько вариантов строк первой редакции стихотворения попали даже на другой лист (л. 47 об.).

В транскрипции наряду с общепринятыми скобками (квадратные означают зачеркивание, угловые – конъюнктуры) используются еще и фигурные скобки, которые означают возможные варианты прочтения недописанных или написанных неразборчиво мест, в отличие от однозначно реконструируемых пробелов рукописи, приводимых в угловых скобках. В тексте сохранена старая орфография.

Первая редакция

Лист 46 об.

- 1 Сомаревный втнокъ обманностей бытійныхъ
2.2 [протянуль] [дружинникъ.]
2.1 Я предложилъ тебѣ, [мой другъ].
2.3 мой другъ
3.2 иной
3.1 Но гордый гордизной
4.3 Тебя мн<t> не понять
4.2 (Понять не мнт съ {т}обой)
4.1 [(Не мнт ее поня<ть>)]
5.2 изсмѣяль мой моль,
5.1 Ты [отклонилъ призывъ] въ толпт царям<и> быть
6.2 двуликій
6.1 И двоецарст<вїа> [втно<мъ> союзъ втковъ и ли<к>ов<ъ>] увтнчать.
6.3 вт<нцомъ> двууз<ымъ> втнчать союзъ двуликій втнковъ и ликовъ
7.1 И гордый [гордын<ей>] (не мнт ее понять)
7.2 инизной
7.3 о ней ли мнт рыдать
8.3 скорбно [одинокій] путь.
8.2 тяжкій
8.1 Один<ъ> пошел<ъ> въ свой [путь]
9 Ну что-ж<ъ>. Пус<тъ> так<ъ>. Не мнт тебя судить.
10.3 зовъ
10.2 [ежели] ежели и [богъ] мо<лч>ить и кущъ пустыня нтма
10.1 Но въ путинт скорбн<о> торной <ты> изнемогъ и [{взоръ увидель бога}]
11 братъ, позови
12 Я вновь прииду
13 Забывъ себя,
14.2 тебѣ, сподручный отдамъ.
14.1 И вящему [оруженосец] плечо покорное

НА ПОЛЯХ СПРАВА:

6.4 втковь и

6.5 увтнчать / двуузый союз

6.6 чела и / времен {и}

ВВЕРХУ ЛИСТА

6.7 [с<о>юзь людин<ъ> и времен {и} двулик<ий>]

НА ПОЛЯХ СЛЕВА ПО ВЕРТИКАЛИ:

7.4 И твердый инизной

О не<й> ли мн<т> рыдать

8.4 оди<нь> пош<ель> в<ъ> св<ой> гордый путь

6.8 союзь двуликій втнковь и ликовъ

8.5 твердо-скорбный

Лист 47 об.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

6.8 Союзь двуузый

втнковь и ликовъ

союзь

[союзь]

Вторая редакция

Лист 76

Брату.

1 Сомаревный втнокъ обманностей бытійныхъ

2 Я протянуль тебѣ, мой другъ.

3 Но гордый. гордизной.

4 (не мнт ее понять)

5 Ты изсмеяль мой моль в толпт

6.2 [втнцомъ] втнкомъ

6.1 царями быть и двоецарствія [втн[к]цомъ]

7.4 [втнковь и ликовъ.]

7.3 [втковь и втча.]

7.2 двуорлый втнка и втчности.

7.1 втнчать союзь [двуузый] [втчности и личности.]

7.5 [лица и ликовъ.]

7.6 лица и втча

7.7 лица и втка.

8 И гордый гордизной

9 Не (не мнт ее понять)

10.2 въ тяжело-горд<ы>й

10.1 Одиъ пошелъ [въ свой скорбный] путь.

11 Ну, что-жь. Пусть такъ. Не мнт тебя судить.

12.2 зовокъ

12.1 Но если изнемогъ, [и зовъ] молчить и горь

13 пустыня нтма, [и горекъ мигъ]

14.3 ты

14.2 Скоть! от съ ([он] иностранецъ)

14.1 [Братъ!] [по]зови [минувшее забудь,]

15.2 [путь]

15.1 Я вновь приду, забывъ себя, [и соузывень станеть]

16.2 подколтнный, подручное

16.1 И, вящему, [тебѣ] [оруженосецъ,] плечо [покорное]

16.3 оруженосецъ,

17.3 взоръ простр<емъ> сумеркамъ берегам<ъ>

17.2 возможнымъ

17.1 [от]подамъ, и общій [взоръ простремъ къ желанны<мъ> берегам<ъ>]

- 17.4 путь совіємъ [по одиночества тропамъ.]
- 17.5 къ [желаннымъ] берегамъ
- 17.6 возможнымъ
- 17.7 {простремъ берегамъ}